

В китайском языке фонемы, видимо, развивались сходным образом, но система типов смычных была ближе к тибето-бирманской.

В тибето-бирманских языках три глоттальных типа согласных: звонкие, глухие и придыхательные. Сравнение с на-дене (Swadesh, Athapaskan and Sino-Tibetan) заставляет думать, что простые и глоттализированные согласные дали звонкие, придыхательные дали придыхательные, а глухие возникли из сочетаний согласных.

В айнском языке различия глоттальных типов сохраняются лишь в переднеязычном и веллярном рядах, ибо *r* может восходить к **t*, а айн. *t* — к древнему сочетанию согласных, тогда как *h* восходит к **qh*.

В кетском единственные следы глоттальных противопоставлений — *x* < **kh* и *∅* < **qh*.

В разных подгруппах урало-алтайских языков древняя система фонем изменилась по-разному: в некоторых простые, придыхательные и глоттализированные совпали, в некоторых различия остались лишь в виде *h* или *∅* из **qh*, в некоторых возникло противопоставление звонких и глухих. В удмуртском языке, где звонкие редки и встречаются в словах со значением 'большой' и 'гора', но отсутствуют в значении 'маленький', можно бы думать о развитии звонких из придыхательных. В тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, где звонкие часты, они могут восходить к простым смычным, а глоттализированные и, возможно, сочетания согласных могли дать глухие. На месте ожидаемого *p* находим *f*, *h* или *∅* (в зависимости от языка). Если наше предположение о разном происхождении звонких в удмуртском и алтайских верно, тогда урало-алтайский праязык должен был еще различать три древних глоттальных типа, а также отражать сочетания согласных.

Плавные во многих языках сведены к одному (*r* либо *l*), а в нутка слились с *n*. Но до этого слияния правакашские плавные в некоторых положениях перешли в *y* или *w* либо оглушились в *t* и потому не совпали с *n*. В языке кутенай **l* регулярно оглушалось в *t*. В некоторых позициях в языках на-дене и кутенай **l* оглушалось, а **t* озвончалось в *l*; в результате упрощения групп согласных возникли новые противопоставления.

Веллярные и увулярные во многих языках совпали, их различие сохранилось лишь в тюркских, самодийских, кетском, нивхском, чукотско-камчатских, на-дене, кутенай, вакашских. Хотя каждый из атапаскских языков стремился устранить один из двух заднеязычных рядов (веллярные или увулярные), в некоторых языках это противопоставление сохранилось, в других обнаруживается косвенно, так что, сравнив морфемы разных

атапаскских языков, мы часто можем определить, восходит ли согласный к велярному или увулярному.

Система сибилантов в большинстве языков упростилась, лишь ка-дене и урало-алтайский праязык сохраняют древние различия, первые — в виде *š, t, s, λ, c*, последний — в виде *š, ś, s, č, c*. Но современные урало-алтайские упростили систему, сведя древние сибиланты к двум или одной фонеме. В финском древнее *č* дало *h*, в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских — *č*. В китайском аффрикаты различаются (*č, c*), но три спиранта сведены к двум (*š, s*). В атапаскских языках можно усмотреть следы третьего аффриката (*č* твердого), но в предварительном порядке можно допустить вторичное его происхождение (наша схема аугментативно-димиутивного символизма требует лишь двух аффрикатов как ступеней чередования **t*). Решение проблемы зависит от дальнейших исследований.

Сонанты *w* и *y* имеют тенденцию быть устойчивыми, особенно в начальной позиции. но в эскалеутских начальные *u*

только с превербами: ср. абх. *а-та-ла-ра* ~ адыгейск. *хэ-хьа-н* 'входить внутрь'. По своей лексико-словообразовательной функции основы сближены М. А. Кумаховым (Морфология I, 144). Они исторически эквивалентны и по материалу. Регулярность звукосоответствия абхаз.-абаз. *л* ~ адыг. *хь* установлена Г. Деестерсом и иллюстрируется такими примерами, как абхаз.-абаз. *(а)-ла* 'собака' ~ адыгейск., каб. *хьэ* то же, абхаз.-абаз. *(а)-лага-ра* 'молоть' ~ адыгейск., каб. *хьэгэ-н//хьэджэ-н* то же, абхаз.-абаз. *(а)-лымхIа* 'ухо' ~ адыгейск., каб. *тхьа-кIыма* то же и др.¹⁴

19. Абхаз. *а-лахIва* 'ворона', абаз. *лахIва* 'грач' ~ убых. *дах⁰а* 'голубь' (Dictionnaire, 112) ~ адыгейск. *тхьэрыккьээ*, каб. *тхьаркьэа* то же. Принадлежит, как и № 18, к числу примеров на соотношение абхаз.-абаз. *л* ~ адыг. *хь*. Сохранение анлаутного *t*-mobile праформы — характерная черта адыгских рефлексов, наблюдаемая и в других случаях: ср. абхаз.-абаз. *(а)-хьва* 'зола' ~ адыг. *тхьва* 'то же', абхаз.-абаз. *(а)-ламхIа* 'ухо' ~ адыг. *тхьа-кIыма* то же и т. п.¹⁵ Для звукосоответствия абхаз.-абаз. *хI* ~ адыг. *кь* ср. № 37. Сходные нахско-дагестанские основы (даргин. *лагьва//лавьа*, лезгин., табас. *луф* < *лугьв*, авар. *мэккэ* 'голубь') сводимы, согласно Е. А. Бокареву, к архетипу *лэккэ//мэккэ* (Введение, 76).

20. Абхаз. *а-мат*, абаз. *маты* 'змея' ~ убых. *ант⁰а* то же (Dictionnaire, 85) ~ адыгейск., каб. [*нтIэ*] то же. Предположительный адыг. эквивалент прослеживается в связанном состоянии в форме *ла-нтIэ* 'гибкий' 'с телом змеи (?)'. Историческое тождество абхаз.-абаз. и убых. основ видел еще Н. С. Трубецкой (NW, 85). Если сопоставление верно, то основа приобретает характер общекавказской лексической изоглоссы. Ср. картв. **mat̥*- 'червь' (А. Тромбетти. Saggi di glottologia, III. Firenze, 1920, стр. 17; также ЭСКЯ, 129), а также нахско-дагестанские формы: гунз. *бытIу* 'червь', табас. *бетI*, арчин. *йамIу* 'змея', лакск. *йамIу* 'червь', 'личинка'. Как относятся все эти основы к и.-е. **math-* 'червь', 'паразит' (IEW, 700) и к идущему, как думают некоторые, из германского источника прибалт.-фин. *matо//mado* 'червь' (SKES II, 337)?

21. Абхаз., абаз. *(а)-са* 'сабля', 'меч' ~ убых. *са* 'сабля' (Dictionnaire, 173) ~ адыгейск., каб. *сэ* 'нож'. Основа соотносима с соответствующей глагольной: ср. абхаз. *а-с-ра* 'сечь, рубить'.

¹⁴ См.: G. Deeters. Der abchasische Sprachbau. Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Klasse. Fachgruppe III, № 2. Berlin, 1931, стр. 290; ср.: Он же. Die kaukasischen Sprachen. — «Handbuch der Orientalistik», Bd. 7. Leiden—Köln, 1963, стр. 39.

¹⁵ Иначе увязывает абхаз. *лахIва* с адыг. материалом К. В. Ломтайдзе («К вопросу об окаменелых экспонентах грамматических классов...», стр. 121).

22. Абхаз. *тІкѡва*- 'таять', 'плавиться' ~ убых. *tqa-č'*'a- то же (Dictionnaire, 193) ~ адыгейск., каб. *тІкІѡы-н* то же. В абхазских диалектах основа прослеживается в сложении *а-дзы-тІкѡва* 'лужа'. Отсутствие четкого соответствия в консонантизме по языкам продиктовано, по-видимому, звукосимволическим характером основы.

23. Абхаз. *а-гъыз-ра*, абаз. *гъз-ра* 'стонать' ~ убых. *гъз-* то же (Dictionnaire, 226), ~ адыгейск. *гъырз-ын*, каб. *гъыз-ын* то же. Нет оснований считать убыхскую основу адыгеизмом, как это делает информатор Х. Вугта.

24. Абхаз., абаз. *гъѡа* 'семья', 'яйцо' ~ убых. *гъа* 'testiculus' (Dictionnaire, 230) ~ адыгейск., каб. *гъѡ* то же. В абхаз.-абаз. производных формах элемент *-гъѡ* имеет и значение 'самец' (Н. Я. Марр ошибочно вычленил его в виде *-агъѡ*: см его «Яфетическое происхождение абхазских терминов родства» — ИАН, 1912, № 5, стр. 424): ср. *арба-гъѡ* 'самец (у птиц)', *а-ѡѡа-гъѡ* 'бычок' и т. п.

25. Абхаз., абаз. *къѡарт* 'наседка' ~ убых. *q°art*//*q°art* то же (Dictionnaire, 171) ~ адыгейск., каб. *къѡарт* то же. В основе названия лежит форма подзывания насадки (ср. абаз. *къѡарт-къѡарт!*, каб. *къѡырт-къѡырт!*). Аналогичные звукосимволические основы широко распространены на Кавказе: ср. ингуш. *къуртІ*, мегрел. *кІрутІ*- и т. д.

26. Абхаз., абаз. *-ша-ра* 'хотеть' 'желать' ~ адыгейск. *фай-эн*, каб. *хвэй-эн* то же. Абхаз.-абаз. форма функционирует, по-видимому, только в сложениях: ср. абхаз. *а-дз-ша-ра* 'жаждать воды', *а-жъы-ша-ра* 'хотеть мяса' и др. Для звукосоответствия абхаз.-абаз. *ш* ~ адыгейск. *ф(ы)*//каб. *хв* ср. два следующих примера. К. В. Ломтатидзе допускает связь абазинской основы с корнем глагола (*а*)-*ш-ра* 'кипеть', 'раскаляться' (Тапантск. диал., 201).

27. Абхаз., абаз. (*а*)-*ши-ра* 'плести' ~ убых. *š°-* то же (Dictionnaire, 180) ~ адыгейск. *фы-н*, каб. *хвы-н* то же. Первая форма, возможно, указывает на «геминированность» этимологического согласного корня.

28. Абхаз., абаз. *шы-* 'просо' ~ адыгейск. *фы*, каб. *хвы* то же. Как известно, просо является одной из древнейших зерновых культур на Кавказе¹⁶. Старое мнение об усвоении основы абхаз.-адыг. языками из осегинского следует считать исключенным. Г. В. Рогава сопоставляет адыг. формы с абхаз. *хъѡыдз* 'пшено (зерно)' (Структура основ, 124),

29. Абхаз., абаз. *ѡа-хъѡа* 'костный мозг' ~ убых. *ѡа-ха* 'кровеносный сосуд' (Dictionnaire, 144) ~ адыгейск. *лъы(н)-тѡф*, каб. *лъым-тхвѡ* то же. Толкуется как сложение абхаз.-адыг. основ **ѡа*- 'кровь' и **хѡа*- 'жила', 'сухожилие' (см. ниже, № 40).

¹⁶ И. А. Джавахишвили. Экономическая история Грузии I. Тбилиси, 1934, стр. 416 сл.; Н. Ф. Яковлев. — ГЛКЧЯ, 152—166.

Более древняя ступень убыхской основы *l'a-x^{va}* приводится еще А. Дирром («Die Sprache der Ubycher». Leipzig, 1928, стр. 116) и Н. С. Трубецким (NW, 86). Адыгские формы характеризуют вторичные вставки *n* и *m*. Семантическая инновация налицо в абхаз.-абаз. форме. Эквивалентность адыг. и убых. основ установлена Ж. Дюмезилем (BSL 38, 1, 131).

30. Абхаз. *щхъа*, абаз. *щкхъа* 'гора' ~ убых. *l'aха* 'гора (лесистая)', 'лес' ~ адыгейск., каб. *лъагъэ* 'высокий'. Регулярность звукосоответствия абхаз.-абаз. *щ* ~ адыг. *лъ* (ср. № 28) установлена Н. С. Трубецким (Cons. latérales, 188—189). Абхаз.-абаз. и убых. основы сопоставлены Ж. Дюмезилем (Études, 125). Менее вероятно предположенное К. Боуда сближение абхаз.-абаз. форм с адыг., *щхъэ* 'голова' (Orbis, III, 229). Основа имеет интересные параллели в нахско-дагестанских языках: чечен. *лекха*, ингуш. *лакха*, лакск. *лахъ-сса*, арчин. *лаха* 'высокий', сводимые, по К. Боуда, к праформе **laq-* (Orbis, IX, 552).

31. Абхаз., абаз. (а)-*щв-ра* 'гноиться', 'нарывать' ~ адыгейск. *щъв-ын*, каб. *ф-ын* 'гнить', 'гноиться'. Корневой согласный закономерно дифференцирован в адыг. языках. Основа является вторым компонентом абх.-адыг. сложения с семантикой 'слепой': ср. абхаз. *а-ла-щв*, адыгейск. *нэ-шъвы*, каб. *нэ-ф* букв. 'глаз гнилой'.

32. Абхаз., абаз. (а)-*ча-ра* 'трескаться' ~ адыгейск., каб. *чэ-н* то же. Основа, по-видимому, звукоподражательного происхождения, чем и может объясняться отсутствие ожидаемой спирантизации аффрикаты в адыг. формах.

33. Абхаз., абаз. (а)-*чча-ра* 'смеяться' ~ адыгейск. *щыщы-н*, каб. *щъыщъы-н* 'ржать'. Семантическое развитие 'смеяться', 'хохотать' > 'ржать' хорошо известно и из других кавказских языков (ср. ЭСКЯ, 259). Еще П. Чарая сближал абхаз. основу с общекартвельской **сс-* 'смеяться' (Об отн. абх. языка, 48; также ЭСКЯ, 226).

34. Абхаз. *а-чхъвы-ра* 'мочиться' ~ адыгейск. *щхы-н*, каб. *щхы-н* 'идти (о дожде)'. Для соотношения абхаз.-абаз. *хъ* ~ адыг. *х* см. ниже, № 41, 42, 43. В адыг. соответствиях закономерно спирантизована начальная аффриката. Семантика абхаз. формы вторична. Смысловая связь сопоставляемых основ становится более очевидной, если учесть абхазскую именную форму *а-чхъвы* 'град', 'перхоть'.

35. Абхаз., абаз. *чIачIа-* 'почки' ~ убых. *ç''āç''a* то же (Dictionnaire, 107) ~ адыгейск. *жъэжъый*, каб. *жъэжъэй* 'почки', 'легкие', 'селезенка'. Сопоставление абхаз.-абаз. и адыг. форм предложено А. К. Шагировым. Параллельно функционирующее убых. *zāžəu-* (Dictionnaire, 220) восходит к адыгскому источнику (ср. также NW, 86). Для соответствия в консонантизме см. № 36. Абхаз.-абаз. слово усвоено в картвельские языки: ср. груз. и мегрел. *чIачIа* (мн. *чIачIэби*) 'почки (блюдо, часть организма)'.

36. Абхаз. *чъІы* 'рот' ~ убых. [*č'a-*] 'лицо' ~ адыгейск. *жэ*, каб. *жээ* 'рот'. Убых. форма засвидетельствована в сложениях (Dictionnaire, 103—104). В абхазских композитах налицо и ступень вокализма *a*: ср. *чъІа-ды* 'слюна' (букв. 'рта+вода'), *а-чъІа-цІа-ра* 'кормить' (букв. 'в рот+класть') и др.

37. Абхаз. (*цагвы*, абаз. *йцагвы* 'тупой' ~ убых. *саg^oа* то же (Dictionnaire, 97) ~ адыгейск. *цаквы*, каб. *дагвэ*. то же. Произведено от абх.-адыг. основы *с(a)-* 'зуб' присоединением аффикса лишительного значения **-g^w(a)*, восходящего, возможно, к самостоятельному прилагательному 'короткий'. Ср. убых. *g^oэ* 'короткий' (Päkhy-Sprache, 368); такое значение пережиточно сохраняется как будто и в адыгейском — ср. шапс. *дагвэ* 'короткие уши у животных' (Шапс. диал., 98).

38. Абхаз., абаз. (*а-цІа-ра* 'кусать, -ся' ~ адыгейск. *цэ-къэ-н*, каб. *дзэ-къэ-н* то же. Первый компонент основы восходит к этимологическому **с(a)-* 'зуб'. Для звукосоответствия абхаз.-абаз. *хІ* ~ адыг. *къ* ср. № 19.

39. Абхаз., абаз. *-цІа-ра* 'класть' ~ адыгейск., каб. *-цІы-н* то же. Аналогично № 18, является глагольной основой, всегда связанной с превербам или выступающей в сложениях: ср. абхаз. *а-цІа-цІа-ра* 'подкладывать', *а-д-цІа-ра* 'прикладывать'.

40. Абхаз. *а-дз(ы)-са-ра*, абаз. *а-цІа-са-ра* 'плавать' убых. *жа-са-* то же (Dictionnaire, 231) ~ адыгейск. *йэ-сы-н*, каб. *йэ-сы-н* то же. Первый компонент абхаз., абаз. и убых. форм (если последняя не усвоена полностью из абхазского) — 'вода': следовательно, в целом основа значит 'плавать по воде', но отнюдь не 'ткать по воде', как ее трактует П. Чарая (Об отн. абх. языка, 25).

41. Абхаз., абаз. *хъва-* 'жила', 'сухожилие' ~ убых. *ха* то же (Dictionnaire, 210) ~ адыгейск. *фэ*, каб. *хвэ* то же. Прослеживается в абхаз.-абаз. диалектах только в окаменелом виде в составе композита *ца-хъва-* 'костный мозг' (см. № 29). В убыхском, где, согласно Х. Вугту, она почти всегда выступает также лишь в сложении, налицо делабиализация корневого согласного¹⁷. Адыг. и убых. формы увязаны Трубецким (NW, 86). Имеются интересные нахско-дагестанские словарные параллели: ср. лакск. *хъхъва*, даргин. *пха*, чечен.-ингуш. *пха* 'жила' (согласно Н. С. Трубецкому, протовосточнокавказские лабиализованные дорсальные дают в нахских языках сочетание *пх*¹⁸. Ср. также BSL, t. 38, f. 1, 131 и Päkhy-Sprache, 399).

¹⁷ В убыхских отражениях исконных абхазско-адыгских основ имеют место как вторичная делабиализация фонем, так и вторичная лабиализация; ср.: Ch. Bouda. Étymologies oubykhs. — JA, t. CCXLVIII, Paris, 1960, стр. 199—202.

¹⁸ См.: N. Trubetzkoy. Zur Vorgeschichte der ostkaukasischen Sprachen. — «Mélanges de linguistique et philologie offerts à Jacques van Ginneken». Paris, 1937, стр. 174. — Н. Я. Марр предполагал аналогичную закономерность отражения исконных последовательностей со вторым лабиальным членом для абхазско-адыгских языков: ср. абхаз. *ps^h'душа* < *swэ*, аб-

42. Абхаз., абаз. (а)-*хъва-ра* 'гнутья', 'кривиться' ~ адыгейск. *уы-фэ-н*, каб. *уы-хвэ-н* 'гнуть', 'кривить'. Для регулярности соотношения абхаз.-абаз. *хъ* ~ адыг. *х* ср. № 41, 43.

43. Абхаз., абаз. -*хъ-ра* 'братъ', 'снимать' ~ адыгейск., каб. *хы-н* 'братъ', 'нести'. В абхаз.-абаз. диалектах основа функционирует лишь в сложениях или в сочетании с превербами (ср. № 39). По Н. Ф. Яковлеву, адыг. *хы-н* 'жать (серпом)' — результат семантической инновации основы в адыг. языках (ср. ГЛКЧЯ, 325).

44. Абхаз.-абаз. (а)*эжагъь* 'жолудь' ~ адыгейск. *чъыгай*, шапс. *чыгай* (Шапс. диал., 29), каб. *жыгей* 'дуб'. Если учесть, что адыгские названия деревьев производимы, как правило, посредством суффикса -*ай*//*-ей* от названий соответствующих плодов (например, каб. *зей* 'кизильное дерево' при *зэ* 'кизил', *мей* 'яблоня' при *мэ* 'яблоня', *дей* 'орешник' при *дэ* 'орех'), то адыгские формы должны восходить к древнему названию желудя **чыга*. Абхазская основа может трактоваться как сложение: ср. абхаз. *а-дж* 'дуб' и *а-гъь* 'семя', 'яйцо' (ср. № 24). Сван. *žih-га* 'дуб' восходит к адыгскому источнику.

45. Абхаз.-абаз. (а)-*псыдза* 'пядь' ~ адыгейск. *бжыз*, каб. *бжъыз* то же. В адыгейской форме допустима метатеза *ж* и *з*.

хаз. *bža* 'середина', 'половина' < *žwa* и т. п. (см. его «К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических». — МЯЯ V. СПб., 1912, стр. 6—7). Сходное развитие надо допустить для одной категории основ с анлаутом *п* в хиналугском языке: ср. *псы* 'медведь', *пилаь* 'лиса', *пхра* 'собака', *пиш* 'лошадь', *пхуицI* 'звезда' и др. (ср., однако: Б. Б. Т а л и б о в. Место хиналугского языка в системе языков лезгинской группы. — «Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы им. Г. Цадасы», т. VII. Махачкала, 1960, стр. 283—284).